

ГОВОРЯ об актерах, которых мы хотим выделить из общего ряда, мы часто употребляем слово «индивидуальность», не очень задумываясь при этом над смыслом вроде бы все объясняющего понятия. Но подлинная индивидуальность актера заключена в индивидуальности созданного им стиля, в том мире, какой приносит он на площадку, в той художественной среде, какую формирует само его присутствие в спектакле.

Такие актеры порой бывают неудобны режиссерам, тем из них, которые вполне довольствуются пустой результативностью, а не многовещиями истины, какие способны родить на театре лишь подлинный художник. Не случайно многие большие актеры порой меняли театры — не от капризов, не от тщеславия, а в поисках того режиссера, который уловил бы их индивидуальный актерский мир, органично соединив его с миром собственным.

Татьяне Дорониной посчастливилось встретить такого режиссера уже в своей творческой молодости. Режиссера, который помог формированию ее стиля, способствовал его выявлению и который, не подчиняясь слепо художественной индивидуальности актрисы, сумел найти точное ее место в структуре своих многослойных, энергичных по мысли и полных эмоционального напряжения спектаклей. Режиссером этим был Г. Товстоногов, создатель на рубеже 50—60-х годов блестящего актерского ансамбля ленинградского БДТ.

Об этом времени Татьяна Васильевна до сих пор вспоминает с особым чувством, хотя и позже, после переезда в Москву, в ее творческой жизни было немало удач, а последние годы отмечены новым художественным взлетом. Но годы начала — всегда светлые годы, годы открытия себя, радостного познания своего мира. Такие годы помнятся долго, и память о них подчас ценнее самых блестящих триумфов.

Творческая биография Дорониной начиналась счастливо. Оказавшись после окончания Школы-студии МХАТа в Ленинградском театре имени Ленинского комсомола (где она проработала три года), молодая актриса получила там главное — возможность играть, то есть — полное право, которое должен иметь любой молодой актер, даже тот, который, быть может, и не сумеет впоследствии утвердить себя. Дорониной играла по три-четыре премьеры в год, а дебютом ее была роль Женки Шульженко в володинской «Фабричной девчонке» — пьесе, открывшей в то время новый тип героини.

В эти годы работы в Ленкоме актриса любила роли, содержащие элементы характерности. По ее собственным словам, была очень удивлена, когда Г. Товстоногов предложил ей сыграть Надежду Монахову в «Варварах» М. Горького. Роль эта, как казалось тогда Дорониной, совершенно не подходила ей по своей стилистике. Но режиссер угадал верно, и именно с Надежды Монаховой в творчестве актрисы наступил «золотой век». Думаю, не ошибусь, если скажу, что из всех созданных актрисой в БДТ образов три выделяются как явления необычайные по своему художественному значению. Кроме Монаховой, это Софья в «Горе от ума» А. С. Грибоедова и Надя из пьесы А. Володина «Моя старшая сестра». В каждой из них открывались какие-то новые грани дарования Дорониной, в них определялся ее стиль, в них сложился образ ее лирической героини, сопутствующий актрисе и во всех последующих работах.

В критике это чаще называют личной темой актера, но речь в данном случае идет не о теме, а о некоем своем личном образе, найденном актрисой, образе, который сразу же возникает в нас при одном лишь упоминании ее имени и который незримо присутствует в любой ее роли.

Актер — профессия особая, его игра, а значит, его внутренний мир вынесен на всеобщее обозрение, и каждый волен судить о нем как вздумается. В этом притягательность, специфика профессии, но в этом же и ее жестокость. Зрители, а подчас и критики создают легенды о любимых актерах, пытаются представить их человеческую личность, их характер на основе виденных ролей, печатных или телевизионных выступлений, добавляя ко всему этому что-то где-то слышанное из «достоверных», разумеется, источников. Есть своя легенда и вокруг Дорониной, легенда, рисующая образ человека жесткого, сильного и властного, говоря иначе, крайне эгоцентричного. На основе чего сложилась такая легенда, понять трудно.

В жизни актриса покоряет не только победительной эрудицией, глубоким умом, но и какой-то врожденной интеллигентностью, полным отсутствием тех черт, какие свойственны бывают так называемым «звездам», считающим, что их популярность дает право на высокомерие и ничтожество.

Вместе с тем нет в ней и иной крайности: ложного кокетства своей скромностью. Она знает цену данному ей природой таланта и потому

люди искусства

ТЕАТР— ЕЕ ЛЮБОВЬ И СТРАСТЬ

А. ДЕМИДОВ

не нуждается в лишнем комплименте. Не нуждается она и в создании вокруг себя некоего ореола исключительности, призванного потрясти и поразить собеседника. Нет, она такая, какая есть, и ничем другим она казаться не хочет, и жизненный стиль ее — манера поведения, способ излагать свои мысли — базируется на безупречном вкусе и чувстве меры. Эти же качества отличают и игру Дорониной. Не совпадает легенда о Дорониной и с тем, что видим мы в ее ролях, так как в каждом своем спектакле она неизменно воплощает тему страдающей и, в сущности, беззащитной перед жизнью женщины, одинокой и непонимаемой, ищущей поддержки и готовой обмануться иллюзиями. В мире ее героинь нет места покою.

Конфликт ума и чувства, а точнее, страсти является центральным и наиболее драматическим конфликтом всего искусства Дорониной. Конфликт этот актриса лишает всякой рационалистической усадки. Ей важна не умозрительная коллизия, а живая игра противоречивых устремлений, придающих ее героиням совершенно особый оттенок загадочности. Внутренний мир их двойствен и редко обретает гармонию, ибо страсть здесь почти всегда побеждает доводы здравого смысла, но за победу эту героини Дорониной, как правило, платят дорогой ценой. Пожалуй, лишь Надя из «Старшей сестры» оставалась счастливой. Впрочем, в этой роли аргументом строгого разума противостоит страсть высшая, творческая — любви к театру. Тема верности своему художественному, гражданскому долгу, ощущение своей профессии как своеобразной, ее, дорониной, человеческой миссии, определили содержание характера Нади. В этой роли актриса раскрыла свою позитивную эстетическую программу, свое, если угодно, жизненное кредо.

Нравственное отношение к собственной творческой деятельности составляет, я думаю, главный пафос как искусства, так и жизни Дорониной. И не случайно в беседе с автором этого очерка актриса говорила не столько о своих ролях, сколько об общих проблемах актерского творчества. Казалось бы, что ей, прославленной актрисе, беспокоиться о чьих-то несложившихся актерских жизнях, о талантливых людях, ставших жертвами малокультурных режиссеров. Но нет, она говорила обо всем этом с подлинной озабоченностью и болью, так, словно речь шла о ее собственной судьбе.

В таком отношении к делам своего актерского цеха явственно прослеживается одна из главных традиций русского и советского театра, традиция старого МХАТа, утверждавшего глубокую взаимосвязь этического и эстетического в искусстве. Эту традицию Дорониной впитала от своих педагогов и прежде всего Б. Вершилова, у которого она училась в Школе-студии МХАТа и который органически, а не понаслышке, знал принципы и законы теории Станиславского.

А начиналось все так... Родом из рабочей семьи (так же, как и первая ее героиня — Женя Шульженко), Дорониной стремилась в театр с самых ранних лет. Была театральная студия при ленинградском Дворце первой пятилетки, был и первый дерзкий поступок, когда будущая «звезда» после 8-го класса отправилась в Москву сдавать экзамены в школу МХАТа. Видимо, ак-

селерация отнюдь не является принадлежностью только нынешнего времени, ибо педагоги не распознали обмана и приняли Дорониной в вуз... Но учебу все же пришлось отложить, и первое путешествие в Москву окончилось неудачей, хотя в своем роде и блистательной. Дальнейшее уже известно: опять школа-студия, Ленком, БДТ и третье путешествие в Москву: короткий период работы в МХАТе (к сожалению, не принесший радости актрисе) и, наконец, Театр имени Вл. Маяковского, в котором Дорониной создан целый ряд великодушных ролей.

Думаю, что художественные принципы режиссуры А. Гончарова отвечали творческим устремлениям Дорониной на новом этапе ее актерской жизни. Ибо в искусстве этого замечательного мастера все явственнее ощущим поиск «красочной естественности» актерской игры, стремление к крупной зрелищной образности, предельной выразительности, ведущей к открытию подлинной художественной театральной правды, чуждой мелкому правдоподобию и житейской достоверности. Дорониной органично вошла в стилистику спектаклей Гончарова, сочетающих остроту пластической формы с глубоким внутренним реализмом чувств. На сцене этих начал родились такие роли, как Альдонса в «Человеке из Ламачи», Елизавета и Мария в «Да здравствует королева, виват!». Последний спектакль — один из любимых у Дорониной. В нем она играет роли двух королей, создавая резко контрастные образы. Старенющая Елизавета — государственный деятель, политик и одновременно несчастная женщина, так и не обретшая счастья. И молодая, полная сил Мария Стюарт, человек, живущий страстью и гибнущий из-за любви. Конфликт разума и страсти, являющий суть творчества Дорониной, получил в этом спектакле чрезвычайно яркое выражение.

Значительной представляется и работа Дорониной в «Чайке», не ставшей, к сожалению, победой театра. Она представила свою Аркадину человеком талантливым, дав тем самым принципиально новую трактовку этого образа.

Последняя работа Дорониной в театре — роль Подруги в спектакле «Она в отсутствии любви и смерти» Э. Радзинского. Роль эта во многом для актрисы неожиданная — острохарактерная, которую актриса решает в трагикомическом ключе.

Трудно охватить все стороны творческой деятельности Дорониной, например, ее работу в кино (хотя здесь были и «Старшая сестра», и «Мачеха», «Еще раз про любовь» и, наконец, «Три тополя» на Плющихе») или ее выступления как исполнительницы песен и романсов.

Дорониной создала свой стиль в искусстве. Она нашла свой темп, свой образ — глубоко национальный, исконно русский, выразивший те мотивы, которые не могут оставить равнодушным зрителя. Ее стиль музыкален и полифоничен, но главное в нем то, что за знакомыми всем совершенно уникальными, именно дорониновскими интонациями, за ее пластикой, горделивой осанкой, скульптурной ясностью поз — за всем этим мы видим и ощущаем огромный человеческий мир. Познание его ведет нас к постижению высшей красоты жизни и искусства.

МОСКВА.

Народная артистка
Фотосъемка Татьяна Корона
Фото В. Мясникова (ТАСС).